

Б И Б Л И О Т Е К А

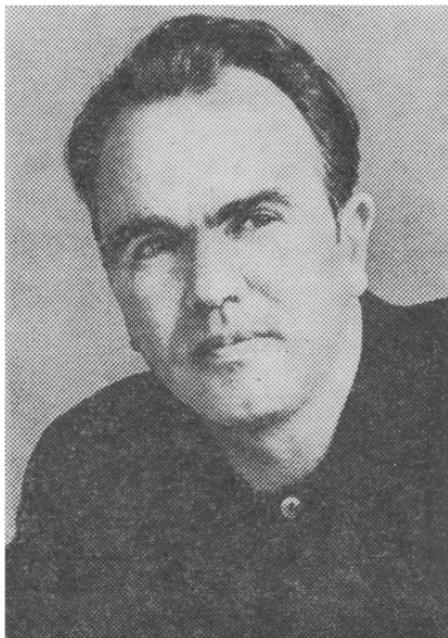
ISSN 0132-2095



ОГОНЁК

№ 20

1986



Евтим **ЕВТИМОВ**

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

НАШ БОЛГАРСКИЙ РОД

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 20

Евтим ЕВТИМОВ

НАШ БОЛГАРСКИЙ РОД

Стихи

Авторизованный перевод с болгарского
Олега Шестинского

Москва. Издательство «ПРАВДА».
1986

ЕВТИМ ЕВТИМОВ

Родился Евтим Евтимов в 1933 году в г. Петриче. Окончил среднюю школу в родном городе. По окончании педагогического института работал учителем. С 1966 г. живет в Софии, где работал зав. отделом поэзии в издательстве «Народна младеж», зам. гл. редактора журнала «Пламък», директором издательства «Народна младеж».

В настоящее время является главным редактором газеты «Литературен фронт».

Член Бюро Руководящего совета СВП.

Народный деятель культуры.

Стихи начал писать со школьных лет. Первое его стихотворение было опубликовано в 1951 г. в газете «Пиринско дело». Автор многих сборников стихов, среди которых «Пиринские баллады» (1964, 1970, 1974), «Любовь за любовь» (1966, 1974, 1979), «Орлиные круги» (1977), «Обрядовые песни» (1979), «Горькое вино» (1975, 1978), «Ночи» (1980).

Лауреат Димитровской премии.

На русском языке вышли его книги «Пиринский орел» (1979, стихи) и «Пирин мой» (1980, документальная проза).

Произведения Е. Евтимова переводились на многие иностранные языки. Для его поэзии характерна неразрывная связь гражданского и лирического начал.

БОЛГАРСКАЯ ЗЕМЛЯ

Будь деревушкою на добром поле черном,
но будь всегда Болгарией моей.
Будь узкою тропой на перевале горном,
но будь всегда Болгарией моей.

ПИРИН

Жить хочу талантливо на свете,
как живет Пирин, гора моя.
...Засияет свет, повеет ветер,
вспыхнет синь, заговорит струя.

Ветка вздрогнет, птица встрепенется,
лопнет почка, капля заблестит,
лист зашепчет, песенка взовьется,
и звезда по небу полетит.

Озеро сверкнет, пригреет солнце,
озарит закат вершины гор,
расцветет цветок и улыбнется,
опьянит трава земной простор.

Снег белеет, тишина тaitся,
облака плывут, огонь гудит,
камень по крутой горе стремится,
эхо скал над пропастью звенит.

Оживает все в минуты эти,
оживает в ранние утра.
...Жить хочу талантливо на свете,
как живет Пирин, моя гора.

РОДИНЕ

Горсть недругов твоих облезлых, старых,
сбежав на Запад, канув в пустоту,
распространяют на чужих базарах
о родине хулу и клевету.

А ты глядишь на тех, чья карта бита,
глядишь на них с высокого пути,
с тобою рядом золотое жито,
той нивой людям золотым идти.

Давно мы не живем в лачугах сырых,
где дым, тоска и плесень по углам,
и лапоточки числим в сувенирах,
за них валютой нынче платят нам.

Обидчики твои и лицемеры
следили за тобой издалека —
сильна ли ты в сиянье новой веры,
насколько ты могуча и крепка?

Едва ль они поймут в своей берлоге
твоей судьбы единственную суть —
что кознями отныне враг жестокий
не сможет изменить народный путь.

Народ моей страны — не одиночка,
с ним много братьев, дружная семья...
На глобусе ты выглядишь как точка,
но вес твой — кряж Балканский, родина моя.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

Твой, Партия! Я радуюсь и верю!
В твоих рядах с весеннего числа.
Но как свою ответственность измерю,
которая мне на плечи легла?

На Бузлудже — недремлющий Благоев,
и Бузлуджу он завещает мне.
Смогу ли я идти тропой героев
вдоль маков, полыхающих в огне?

А в Лейпциге
родного Димитрова
звучат слова, сметая клевету.
Могу ли так же защищать сурово
твои достоинства и высоту?

В отеческих полях, лесах, Балканах
отважным именам звездой сиять.
Я только песни пел о ветеранах,
смогу ли ветеранам быть под стать?

Смогу ль, старье и плесень сокрушая,
идти нерасторжимо за мечтой?
Ответственность тяжелая, большая!
Мне жить отныне, Партия, тобой!

«ИСКРА»

Зерно под черноземными пластами,
звезда над лесом, боевой сигнал,
бессмертная, как ленинское знамя, —
такой себе я «Искру» представлял.
Не подчиняясь никаким барьерам,
она пришла ко мне не наугад.
И сам я нынче ленинским курьером
иду, как тысячи его солдат.

Запомни, солнце, как в лучах манящих,
иду путем без края и конца!
Я опускаю не в почтовый ящик —
я «Искру» должен опустить в сердца
людей, влачащих жизнь в нужде, в мученье
и в горемычных столах от оков...
Я жду, товарищ Ленин, порученья!
За ним пришел я и к нему готов.

Кто говорит, что поздно я явился,
кто говорит, что я опережен,
что «Искры» путь лишь в славном прошлом длился,
что «Искры» путь сегодня завершен?
Мне жить под знаменем высокой веры,
и ради «Искры» жизнь пройдет моя.
И будут у нее всегда курьеры.
Был Загубанский, нынче буду я.

Зерно под черноземными пластами,
звезда над лесом, боевой сигнал,
бессмертная, как ленинское знамя,—
такой себе я «Искру» представлял.
Ее нести мне не из песни в песню,
не из зари в ночное естество
и не из Варны морем до Одессы,
а просто в мир — из сердца моего.

К ВАМ

Благодарю, товарищи и други:
вы шли в бои, — за вами кровь потерь.
Но не хочу, лишь ваши чтоб заслуги
передо мной распахивали дверь.

За то, что вы, сжимая автоматы,
свободу принесли, фашизм поправ,
я не желаю получать награды,
ведь не имею я на это прав.

Я младше вас, и не займу я место
под вашим славным лавровым венком,
но буду счастлив, коль оценят честно
путь мой по жизни этой день за днем.

И путь мой
вместе с вашим длиться будет,
от вашего пути неотделим —
в недобрый час,
когда меня осудят,
и в добрый час,
когда я возносим.

И обрету я собственную силу,
коль оценен по собственной цене, —
тогда смогу пред братскою могилой
по чести преклониться в тишине.

БАЛЛАДА ОБ ОТЕЧЕСТВЕ

Ты не орех ли,
выросший в Батаке
у церкви, где герои сожжены, —
зеленый знак
легенды и отваги,
вобравший мощь подземной глубины?

...В груди зияет рана ножевая,
неумолим турецкий ятаган,
ореховую ветку прижимая,
упала девушка в густой бурьян.

Не подарила ветку дорогому,
девическою нежностью пленя...
Аскер жестокий
подползает
к дому...
В Батаке стоны,
пламя
и резня.

В могиле братской погребли со всеми,
с ореховою веткой погребли,—
чтоб никогда ореховое семя
не вырвалось
из горевой земли.

Но, раздвигая травы и каменья,
пробилась стебля крепкая стрела,
не остановится сердцебиенье
той девушки,
что с веткой полегла.

И рос побег
от смертного посева
так, как растут
вступившие в права
над пепелищем бесхозяйным —
древо,
над кровью и над углями —
трава.

И вопреки ненастьям и помехам
побег,
как сокол,
взмыл в сиянье дня,
мечтая просто стать большим орехом
на месте разрушений и огня,—
чтоб тут отцы склонялись на колени,
печалась о погибших сыновьях;
чтоб вдовы замирали в этой сени,
шаги мужей услышавши впотьмах;

чтоб ободрял сирот улыбкой ясной,
напоминая им иные дни...
чтоб встал орех
Болгарией прекрасной,
воскресшей из пожара и резни!

СВАДЬБА АНТОНА

Перед тем как быть расстрелянным
фашистами, революционер-партизан
Антон Попов женился в камере
тюрьмы.

Быть свадьбе сей в тюремном равелине!
И смерть,
свое справляя сватовство,
не золото
молодым подарит ныне,
а лишь свинец.
И больше ничего...

Сваты в кургузых форменных шинелях
поднимут тост, ухмылки не тая..
Но солоно вино,
в нем нету хмеля —
в тех чашах молодая кровь твоя.

Стоишь с невестой ты — живой и мертвый,
как плат, бледна невеста и вдова.
Целуй ее
в своей печали гордой
и прошепчи
нежнейшие слова.

Под музыку винтовок в недалечке
сваты сегодня спляшут танец свой,
и обернется свадебная свечка
в миг скорбный похоронною свечой.

И люльку не качать в вечерней мгле,
и сын не засмеется на рассвете...
Осталась лишь мечта
на белом свете,
и лишь любовь
осталась на земле.

Залп. Облачко порохового дыма.
Но пусть царит не скорбь,
а торжество...
Трус не пошел бы под венец с любимой
за час лишь до расстрела своего!

ИВЫ ВОЗЛЕ ВОКЗАЛА

Печальны ивы,
лаской не согреты,
им не уйти ни во поле, ни в сад,
и листья, словно старые билеты,
над рельсами бесстрастными висят.

А взгляд уходит в глуби горизонта,
я слышу, сестры, приглушенный стон...
Отцы ли ваши не вернулись с фронта,
но ждете вы, что ступят на перрон,
иль ждете странный поезд из Европы,
где не вагонов оживленный ряд, —
а сцеплены военные окопы,
и в них отцы убитые лежат?

Я знаю: двадцать лет неумолимо
тот паровозный слышится гудок,
и различают вдовы
кольца дыма,
сироты —
искр играющих поток;
безрукие выходят к той дороге
и руки ждут свои с чужих равнин,
бойцы на костылях —
лихие ноги,
которыми шагали на Берлин.

Я знаю: двадцать лет тот поезд мчится
от Дравы, где весь берег обожжен...
Пусть этот поезд вам во сне приснится,
седые ивы, сестры верных жен.

И он ворвется в память с поля боя,
в ней воскресит
родные имена.

Нет в наших душах, нет войне отбоя.
Болит и саднит
в них еще война.

СНОВИДЕНИЕ

Звезды ли зажгутся по округе,
озаря полуночную высь,—
знаю, что костер горит на юге,
это искры от него взвились.

Вихрь, кружась над буком и ольхою,
гонит листья от своих границ,—
знаю, что на юге под стрехою
так печальны вздохи синих птиц.

Зашумят ли майские каштаны,
свечками зацветшими мая,—
знаю, что на юге, сквозь туманы
вглядываясь, горы ждут меня.

Снеговеи загудят сердито
и замельтешат в моем окне,—
знаю, что на юге веют жито
и оно, как снег, летит ко мне.

Все во мне оттуда...
Дом и детство,
путь земной, звенящие слова —
да куда без юга всем им деться,
если память сердца такова.

ПРОПОЛКА

Побеги табака на вольной воле
глушил сорняк, взяв соки из земли.
Я выходил со взрослыми на поле,
и говорили мне они:
— Поли!..

Поли, покамест не укоренится
и не нальется силою сорняк,
поли, аж до ломоты в пояснице,—
знай, урожай дается только так.

И я, мальчонка, ясный и открытый,
освобождал от разнотравья дол,
полол, как будто детские обиды,
и старые, и новые, полол.

Склонялся я над цепким корневищем...
От сорных трав я очищал свой ум,
чтоб никогда не быть духовно нищим,
не поступать без смысла, наобум.

...И вырывал из табака траву я,
как будто очищал свой путь и плоть...
Какие люди в пору полевую
учили мудро мальчика полоть!

ИЗБРАННЫЕ ПЕСНИ

Я пристально гляжу и выбираю
и радости, и праздничные дни.
Я избранные песни лишь решаю
оставить, только яркие огни.

Путь избранный. И избранное чувство.
И избранных вершин особый свет.
Ведь говорят, жестокое искусство
от жизни строгий требует ответ.

Но ради ценностей, порою мнимых,
отбрасывал я то, что раньше пел.
И между песен, равно мной любимых,
я сонм избранниц выделить хотел.

А остальным уже не доля —
дóлька.
И счел отец поступок мой за грех:
он нас, детей, не выделял нисколько
и равно каравай делил на всех.

ВОЗРАСТ

Старею я. Напоминает время:
«Воздерживайся от щедрот земных...»
И спорщиков я избегаю племя,
и не грущу, не переспорив их.

Так и живу под воздержанья знаком,
ем мало хлеба и не пью вино,
не бегаю, а лишь ступаю шагом —
ведь юности вернуться не дано!

Но к черту эти поздние советы,
расчетливую мудрость простаков!
Пусть токи сердца кружат, как кометы,
не ведает моя душа оков.

Пусть влагою соленой белопенной
омоет сердце свой открытый лик.
Пусть дружбу сердце водит со вселенной,
пусть мир я постигаю каждый миг.

Но если сердце на бегу споткнется
или померкнет где-нибудь в пути —
пускай оно в груди зерном взорвется,
что колосом готово прорасти.

ЛЕВАДА

Левада стала шумным летным полем,
кружили самолеты в синеве...
И не скакали лошади привольем,
не радовались молодой траве.

Крылами самолета — не косою
выкашивали травы в ясный день...
И свастика висела над землею,
бросая с неба пасмурную тень.

И слышал я, мальчонка босоногий,—
левада, изнемогшая от зла,
гнедых коней, копытящих дороги,
к себе, как избавление, звала.

Враг отступал среди огня и грома,
слетались птицы в дорогом краю,
вновь превращалась твердь аэродрома
в леваду деревенскую мою.

Не думал раньше я, как много значит
для жизни и мальчишеской души,
что кони по густой леваде скачут
и ласточки планируют в тиши.

ПРИПОМНИЛ Я...

Я вспомнил день охотничий, бурлящий,
охота сотрясала целый край.
...Охотники — в засаде. А по чаще
несутся голоса, что песий лай.

Стрелял охотник и его напарник.
Стонала серна, раненная в бок.
Загонщики бегут, круша кустарник,
вершину оглушает топот ног.

Загонщикам лишь рыскать по окружью,
будить медвежьи сонные углы,
а уж охотники нацелят ружья,
ведя за зверем чуткие стволы.

Ты как загонщик! Жизнь твоя обманна,
но примирился ты с судьбой такой...
Ты лишь бежишь, покрикивая рьяно,
а целится и насмерть бьет другой.

КРУГИ

Приятели на время, деловые.
Признание, случившееся вдруг...
Движения пустые, круговые —
и вот я заключен в никчемный круг.

Но разрываю я мирок окружный
и из него в широкий мир бегу,
мне постоянно небо видеть нужно,
простор земли и радугу-дугу;

подняться над балканскою скалою
и ощутить сознанием своим:
жизнь кружится не детскою юлою —
большим круговращением земным.

И по земле хочу идти я просто,
и просто жить, и верить, что никак
меня не свяжет мелких чувств короста
и не собьюсь на семенящий шаг.

Стою в горах я, ослеплен снегами,
и признаю я в дивной вышине
лишь путь орлов — они плывут кругами
как бы орбиту пролагая мне.

МАЛЬЧИШЕСКИЙ СВИСТ

Так ли мы близки, как раньше были?
Или чем-то мы разлучены?
Или что-то позабыть нет силы?
...Телефон, молчащий у стены,
телефон, молчащий между нами.
Можешь и не приходить ко мне —
провода, простершись над домами,
нас с тобой сведут наедине.

Только проводов рукопожатье,
и смогу хотя б сквозь провода
звуки песен детства услышать я,
что не умирали никогда;
но давай, пока еще не поздно,
детство пока чудится живым,
в души поглядим свои серьезно
и друг другу сами позвоним.

Неустанный дождь стучит по крыше,
телефон звенит до темноты...
Ты ведь был когда-то всех мне ближе,
как хочу, чтоб появился ты:
словно в детстве, чуб от ливня мокрый,
пальцы в рот — и свистнешь в тишине
так, что вздрогнут по округе стекла
и проснется сорванец во мне.

ПОДКОВА

Над порогом прикрепи подкову —
счастье в доме до скончанья лет...
Я смеюсь — мол, эта мысль не нова,
но подков теперь почти что нет.

Городская улица — не поле,
где бы ты подкову не искал,
не отыщешь ты подкову боле,
сбитую от скачки среди скал.

Лошади ушли в воспоминанья,
не услышать ржанья под окном.
Значит ли, что радости сиянье
не войдет в мой бесподковный дом?

Значит ли, что звонкой песней новой
уж не зазвонит моя душа?
Дождь пошел. И радуга подковой
выгнулась, цветаста и свежа.

Пусть моя осуществится воля —
радугу повешу у дверей,
чтобы цвет небес и запах поля
мне на счастье в дом вошли скорей.

СТАРАЯ ПЕКАРНЯ

Я голову склоняю благодарно,
мне памятью своей не пренебречь...
И память входит в старую пекарню
и разжигает, словно в детстве, печь.

И память выпекает караваи,
замешенные на моих слезах,
те караваи, небо доставая,
покоятся на худеньких руках.

И улочками со своей раздачей
пойду, в ворота сонные стучась;
война была войною, но иначе
война в ту пору — голодом звалась.

И видя пара тонкие колечки,
и пекаря, пропахшего мукой,
я верю, что он вытащит из печки
не просто хлеб, —
а счастье
и покой.

ХЛЕБ ПОЭТА

— Разбогател! — товарищ мне заметил,
а у меня в кармане ни гроша.
Я шел своей дорогой, прост и светел,
и наполнялась песнею душа.

Мне молодо и весело дышалось,
действительно мне открывался клад,
поскольку песня у меня рождалась,
а ведь поэт лишь песнями богат.

И с деревцем, что в дворике шумело,
с ветрами, окружавшими меня,
я говорил взволнованно и смело
в полночный сумрак и средь бела дня.

Улавливал я звуки в отдаленье:
звезда летит... залился соловей...
в те необыкновенные мгновенья
как будто вся земля была моей.

Еще я постигал в мгновенья эти,
всем сердцем ощущая торжество,
что мне трудней без песен жить на свете,
чем, может быть, без хлеба самого.

ЗВОНЧКИ КОЗЬЕГО СТАДА

Не забывай о сказочном кувшине,
в котором детства дни заключены...
Я возвращенья коз припомнил ныне
с высоких гор родимой стороны.

Еще никто и стадо не увидел,
но то, что козы на дороге, знал,
поскольку утром каждый сельский житель
своей козе звоночек привязал.

Звенел особо каждый. И по звуку
крестьяне узнавали коз своих.
Звенела музыка на всю округу,
мелодия звоночков полевых.

И с той поры все думаю я:
есть ли
открытие счастливее, чем вдруг
узнать не имя, а узнать по песне,
что к дому твоему подходит друг.

ЗВЕЗДНЫЕ КОНИ

Семь хребтов под отчим небосклоном —
то не семь хребтов, а семь коней.
Мчат простором древним и зеленым
через все века до наших дней.

Гривы их — взметнувшееся пламя,
поступь их — размах и торжество...
Тыщи лет летят под облаками
чудо-кони рода моего.

Древний отблеск каменных их взоров
я запомнил с юношеских пор;
звон стремян среди родных просторов, —
скачет конница высоких гор.

Семь коней летят под небом синим,
бегом их земля увлечена,
пыль со звезд на землю пала ливнем,
в грохоте небесная страна!

Перед ними вечная дорога,
и в июле звонкою порою
я к какой-нибудь звезде далекой
отведу коней на водопой.

ЧЕРЕШНИ

Черешня от набегов обмирала,
тряслась она, живое существо...
Попался мне мальчишка-обирала,
как будто бы из детства моего.

Раздутую от ягод рубашонку
придерживал пострел, потупя взор...
Разгневанный, ударил я мальчонку...
Признаться: мне не по себе с тех пор.

Растерянно он посмотрел сначала,
и слезы побежали, как вода...
И детство — не его — мое рыдало,
обиженное мною навсегда.

МАТЬ НИЖЕТ ТАБАК

Вот листья табака для сушки нижеет,
как ожерелье, на веревку мать,
как будто нижеет голоса, что слышит,
когда табак выходит убирать.

Как будто нижеет тайны горевые
своей нелегкой жизни ради нас;
как будто нижеет сны свои ночные,
простые сны без сказок и прикрас;

как будто нижет золотые меты
последних, угасающих лучей,
которыми бледнеющее лето
застыло в глубине ее очей.

Табачный запах голову ей кружит,—
листок к листку,— вся жизнь ее в листке...
Как будто бы мои рубашки сушит
она, пока тепло, на ветерке.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОЛЕВЫХ СВЕРЧКОВ

Пели теплым днем по вольной воле
в моем мире,
в доме
и во мне
милые сверчки,
найдя на поле
песни —
в жите или на стерне.

...Полевые скрипачи пропали,
дом наполнен грустной тишиной.
...Возвращалась мать в вечерней дали,
плыл за нею аромат земной,
и вела ее тропа-дорога
к дому,
где в окошке огонек.
Мать мотыгу ставит у порога
и переступает наш порог,
а за ней — веселая дружина,
гвалт сверчков
наполнит
щедро дом...
Мать уехала,
и так пустынно
без нее в моем краю родном.
Сельского ли нрава я лишился,
выпало ли что-то из души:
ни один сверчок вот не явился,
чтоб развеселить меня в тиши...
Я ль не предан полю и равнине,
я ль из песен не вязал снопов?

Страшно, что не слышно в доме ныне
самых искренних его певцов.
Мать-земля с полями, родниками!
Ты пойми,
что я твой сын всерьез!
Встретиться мечтаю со сверчками
в доме, где родился я и рос.

ДОМ С ПРЕПАРИРОВАННЫМИ ПТИЦАМИ

Ах, сколько птиц,— я не слышу песен,
ах, сколько птиц, но шири никакой,
ах, сколько птиц, но мир, как горстка, тесен,
ах, сколько птиц, но не царит покой.

Лесные птицы в этом доме жили,
меж голых стен, а не в лесной тиши,
они зарю на крыльях не носили,—
все препарированы здесь они.

Когда стрелки бездумные стреляли,
не просто птицы были сражены,
они стреляли в полевые дали,
в голубизну небесной вышины.

Зачем же, препаратор, в стыни комнат
ты выставил свой мелкий интерес?
О гибели пернатых небо помнит,
и поле помнит, и бескрайний лес.

Убиты птицы... Жалкое наследство
получит сын иль внук в недобрый срок.
О певчее мое лесное детство,
твои легенды погубил стрелок!

ЭЛЕГИЯ ОБ ОТЦЕ

Сошел под землю он не землекопом,
хотя поля перекопал окрест,
и над отцовским деревенским гробом
пласты земли и деревянный крест.

Рожденья дата и кончины дата,
черта меж ними как огромный путь,
и никому черты продолговатой
не устранить и не перечеркнуть.

ПРЯТКИ (игра)

Спрячься за широкой грудью бука,
в пряный стог заройся и замри,
чтобы ни движения, ни звука...
Начинаю счет свой:
— Раз... два... три...—
Спрячься хоть под лестницей скрипучей
спрячься хоть в кадушке у печи.
Не отыщут, если ты везучий.
Главное —
сиди себе, молчи.

Если же искавший не увидел,
где ты скрылся,—
в роще, во дворе,—
значит, ты и будешь победитель
в этой увлекательной игре.

С побежденных тоже взятки гладки,
в проигрыше нет большой беды.
Это ведь игра такая — прятки,
детства отшумевшего следы.

Плохо лишь одно, что в игры эти
мы играем, взрослые, порой
то в своем служебном кабинете,
то в гостях у друга, то с женой.

ЖЕНЩИНА С СИТОМ

Под темным небом женщина стояла,
держала лунный круг она в руках
и ясным лунным светом озаряла
холмы, деревья, жито на полях.

Нет, не луну — она держала сито.
Работой своей увлечена,
просеивала золотое жито,
полову отделяла от зерна.

Она зерно с земли брала горстями,
а мне казалось издали одно:
земную даль с морями и лесами
она просеивала, как зерно.

Когда ветров и молний перебранка
заполонила звездный край совсем,—
просеивала облака крестьянка
и отделяла, как полову, темь.

Земля и небо наполняли сито...
Мне женщина запомнилась такой:
просеивает белый свет открыто,
чтоб мир был чист и царствовал покой

ОТКРЫТИЕ

Поведи и помоги, дорога,
мне в лесу осеннем обрести
тонкий звук и эхо издавека,
словно на неведомом пути,
повстречаться с краскою случайной
в зоревом негаданном краю...
Но хочу я на земле бескрайной
только сам открыть любовь свою.

Мне не надо никакой подмоги
в поисках любви... Летит она
через чащи, горные отроги,
степью, где дремотна целина,
дружит с нивами и облаками,
с птицами она заводит речь,
неожиданно в безмолвный камень
входит, чтобы тайною облечь.

Сам хочу открыть тебя в природе.
Если ты вершина, что в снегу,—
не устану в горном переходе;
если ты на дальнем берегу —
я переплыву любое море;
если луч в заоблачной дали —
отыщу в космическом просторе,
ибо я — упрямый сын Земли.
Там, где шагу сделать невозможно,—
упаду, но встану меж камней...

Выстрадать мне это чувство должно,
чтобы цену знать
любви своей!

ЛЮБОВЬ, КАК ДЕТСТВО

Знай: любовь, как детство. Для тебя
смастерю из радуги я сходни,
чтобы, улыбаясь и любя,
ты опять сошла ко мне сегодня.
Каблукочок настилом простучит...
Землю отдаю тебе в наследство.
И никто меня не обвинит,
что тебе я лгу. Любовь, как детство.

Синь небесных праздничных полей...
Звезды подарю я с этой сини,
чтоб еще светлей и горячей
полюбила ты меня отныне.
Посмотри же, как звезда горит,—
небо отдаю тебе в наследство.
И никто меня не обвинит,
что тебе я лгу. Любовь, как детство.

Взглядом не объять простор морской,
ты возьми себе мои дороги,
чтоб доплыть к черте береговой,
первой выйти чтоб на склон отлогий.
Ветер за тобой вослед помчит...
Море отдаю тебе в наследство.
И никто меня не обвинит,
что тебе я лгу. Любовь, как детство.

Я хочу тебя такой любить —
страстною, порывистой, желанной.
Между нами лжи не может быть,
могут быть лишь детские обманы.
Пусть твоя рука в моей лежит,
песню отдаю тебе в наследство.
И никто меня не обвинит,
что тебе я лгу. Любовь, как детство.

* * *

Ты не сегодня на землю ступила,
но я тебя сегодня сотворю,—
любовь такую силой наделила.
Не лгу я, не скрываю, не хитрю.

Никто из нас своей судьбы не знает,
быть поздней встрече — первую для нас,
мой взор свечой венчальной сияет,
широкой свадьбы приближая час.

Мир будет ясен. Я с тобой встречаюсь
в суровый день, но все перетерплю.
Последний раз, наверное, влюбляюсь,
но первую любовь я люблю.

* * *

Роса на травах пела и кипела,
я на заре по лугу шел босой,
а завтра посреди полей я спелых
и сам паду здесь белою росой.

Меня искать повсюду будут пчелы
и окликать полдневные сверчки,
а я войду навек в твой взгляд веселый,
войду в твои бессмертные зрачки.

* * *

Слети, как мотылек, с моей ладони,
живою будь в огне,
живой — в воде,
и ласковый мой взгляд тебя догонит
в небесной шири на пути к звезде.
Будь молнией ты, на меня летящей,
которая, ударив, одарит
и душу в пламень превратит слепящий,
и этим светом полночь озарит.
Будь грешною, будь правой, но покою
не предавайся лишь, любовь моя,
и оставайся навсегда такою,
пусть даже горечь испытаю я.

Моя любовь, ты с привкусом полынным!
От виноделов знаю я давно,
что горечь свойственна отменным винам,
не походи на сладкое вино!

* * *

Ты не натапцевалась ли, родная,
не набродилась ли среди лугов,
не намечталась ли, обзревая
движение полдневных облаков?

Все так же ли горящими глазами
ты тянешься к дорогам и орлам?
Ты слита с небом, полем и лесами,
и не остановить тебя годам.

Рекой, чей голос яростный и звонкий,
промчишься,
пенной высветляя тьму!
Ты не заглохнешь в тесной комнатенке,
путь обретая к морю своему.

* * *

Пускай ты сладко спишь сегодня
под крышей крепкой, как броня,
но ведь счастливей и свободней
была ты там, где зелена,
где, песенно-проникновенны,
ветра наполнили простор,
и нас не окружали стены,
и не было оконных штор.

Пускай парадные колонны
украшили твой новый дом,—
в твоих мечтах лишь лес зеленый,
где мы с тобой идем вдвоем.
Пускай и люстры, брызнув светом,
играют бликами... Но ты
лишь видишь,
как июльским летом
лучатся звезды с высоты.

И, нежась в спальне пуховой,
мечтаешь все равно в тоске
о днях, когда в тени сосновой
спала ты на моей руке.
И просишь в снах своих упорно,
чтоб ветер утренний не стих,
а, прилетев из дали горной,
слегка коснулся щек твоих.
Друг друга нам искать с тобою,
а встретившись, искать приют,
где нас не оградят стеною,
где не зашторят, не запрут...

* * *

Тем радостям, что рождены сердцами,
ведут иные люди точный счет.
Я не хочу общаться со скупцами,
меня их бережливость не влечет.
Они сундук и ящик приспособят,
чтоб складывать в них вздохи и мечты,
они не наслаждаются, а копят
не в радости, а в сетях суеты.
С чертями водят дружбу этим часом,
ущербны души их... А я богат,
и отдаю тебе богатство разом,
и никогда не оглянусь назад.
Все, что хочу, — лежит передо мною,
отмечено высокой новизной.
Тебя считаю самою родною
я до последней тропочки земной.
В порыве чистом и беспрекословном
тебе вручаю счастье целиком.
И если мне гореть в костре любовном,
то сам я стану праздничным огнем.

ИЗ ЦИКЛА «ГОРЬКОЕ ВИНО»

* * *

Зовешь меня:

— Идем вперед бесстрашной!..—
И там, где речка выгнулась в дугу,
я по воде иду, как бы по пашне,
а ты одна стоишь на берегу.

Ужель душа не ведает порыва?
Как постигать мне душу милой впредь?
Зажжешь костер и греешься счастливо,
а мне не греться, мне в костре гореть.

* * *

Душа моя, как выжженный песок,
зову тебя я словом, жестом, взглядом.
Ты протяни мне лишь один цветок —
моей души пустыня станет садом.

Снег протяни — от мартовских лучей,
наполня влагой душу, он растает.
...Я как пустыня, ждущая дождей,
а небо засуху мне посылает.

* * *

Я умоляю ветер:
— Зашуми! —
Но ветер молча нежится в долине.
Я умоляю бурю:
— Загреми! —
Но небо в тихой и безгласной сини.

Я у огня вымаливал тепла,
но лишь золой дохнул огонь сурово.
Ты нежность мне сегодня принесла,
но отчего ее уносишь снова?

* * *

Сияющая в горном далеке,
взметнулась радуга с весенней силой.
Один ее конец — в моей руке,
другой ее конец — в руке у милой.

И мы скакалкой радугу крутить
начнем с тобой от края и до края,—
тогда заря, вдруг обретая прыть,
запрыгает, как девочка, сияя.

* * *

Ты говоришь, что я переменялся.
Душа чиста и помыслы добры.
К твоим ногам с кометой я явился,
велишь —
и снова поднесу миры.

И в этой жизни необыкновенной
не пятна на луне — следы мои,
ведь я шагал, влюбленный, по вселенной,
срывая звезды для своей любви.

* * *

В деревне девушку осыплют житом,
когда зерно увозят в закрома,
по жизни чтобы шла путем открытым,
путем добра, достоинства, ума.

Обычай не забыли, слава богу,
я выпрямлюсь на поле в полный рост,—
тебе раскинув лунную дорогу,
тебя осыпав пригоршнями звезд.

* * *

О, будь зарей, что моего чела
коснется предрассветными ветрами;
о, будь березой, что как снег бела,
склоняющейся надо мной кудрями.

Будь птицею, собравшеюся в путь...
И все-таки я говорю пустое —
ты женщиною, женщиною будь,—
ведь в ней соединилось все земное.

* * *

Над мелочью обид,
над стаей глупых сплетен
пусть образ твой парит,
прекрасен и победен.

И помни в час любой
отчетливо и строго —
звезде не быть звездой,
коль не горит высоко.

* * *

Две певчих птицы на юру зеленом
с зарей поют среди ветвей лесных,
и им, нисколько не самовлюбленным,
не важно, слушает ли кто-то их.

Не страшно им, что туча наползает,
что ветер подбирается, пыля...
Лишь для себя поют, а им внимают
не куст, а вся окрестная земля!

РЕКИ

Один вопрос смущает мой покой:
ну почему, едва окрепнут реки,
они, простясь с природою родной,
уходят в путь немеренный навеки?

Ну что плохого, если бы они
истоку предпочли свои дороги,—
ведь он лелеял в буковой тени
и песнями одаривал потоки?

Ужели показалось в глуби гор,
что песням тем звучать сильнее грома
не здесь, где отчий камень, отчий двор,
но лишь за миллион шагов от дома?

И чем им больше выпало расти,
тем дальше бег их вдоль всего земного.
С чего? Стою опять я на пути
и задаю себе вопросы снова.

И с грустью нахожу ответ в одном,
прощаясь с матерью, печальной, милой,—
и я ведь, как река, оставил дом,
едва лишь, как река, налил себя силой.

ПРОКЛЯТОЕ ПОЛЕ

Я думал, Бухенвальд лежит в овраге,
где шабаш дьявольский и смрад костров,
но это — поле... Кони-работяги
вспахать его могли бы до краев.

О если бы в людской все было власти,
чтоб доброю жизнь была полна
и вместо мук и горьких слез несчастий
по бороздам легли бы семена!

И вместо проволочных заграждений —
в простиранных пеленках и платках
здесь изгороди сельских поселений
тянулись бы у мира на глазах!

Подумал я... Но не могу не знать я,
что это поле от смертей черно.
Печатью на него легло проклятье,
и материнства лишено оно.

А ливень грянет по весне впервые,
то проклятому полю не до сна,—
напоминают капли дождевые
о давнем звоне мирного зерна.

* * *

Березы окружили хороводом,
и вдоль реки пошли они с тобой,
признав, что с ними ты одина родом
и каждая пришлась тебе сестрой.

Взволнованный, смотрю вослед сквозь слезы,
как вас окутывает полумгла...
Ты мне хотела показать березы,
Ты, знать, сама березкою была.

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОДЕЖДА

Бабушке Катерине

Еще молодоженкою, заране,
она одежду к смерти собрала,
мол, отпевать придут односельчане —
она вся в новом посреди стола.

Придет ли смерть, а бабка ждет, готова,
не стыдно умирать ей на миру...
А я подумал:
вымолвлю вот слово
и неожиданно для всех умру

иль на скале, иль под волной морскою,
у самого ль себя перед крыльцом.
А что тогда возьму я в путь с собою,
чтоб быть и в смерти добрым молодцом?

Пропетых песен ли мотив печальный?
Мечту ли, уходившую в полет?
Нет у меня одежды погребальной,
ведь жизнь моя полна земных забот.

Нет, к смерти мы готовиться не будем,
что стережет на море иль скале.
И все, что есть, я оставляю людям,
и все, что есть, оставлю я земле.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

| | |
|---|----|
| Болгарская земля | 3 |
| Пирин | 3 |
| Родине | 4 |
| Коммунистической партии | 4 |
| «Искра» | 5 |
| К вам | 6 |
| Баллада об Отечестве | 6 |
| Свадьба Антона | 8 |
| Ивы возле вокзала | 9 |
| Сновидение | 10 |
| Прополка | 10 |
| Избранные песни | 11 |
| Возраст | 11 |
| Левада | 12 |
| Припомнил я... | 13 |
| Круги | 13 |
| Мальчишеский свист | 14 |
| Подкова | 14 |
| Старая пекарня | 15 |
| Хлеб поэта | 15 |
| Звоночки козьего стада | 16 |
| Звездные кони | 16 |
| Черешни | 17 |
| Мать нижет табак | 17 |
| Возвращение полевых сверчков | 18 |
| Дом с препарированными птицами | 19 |
| Элегия об отце | 19 |
| Лето 1943-го | 20 |
| Прятки (игра) | 21 |
| Женщина с ситом | 21 |
| Открытие | 22 |
| Любовь, как детство | 23 |
| «Ты не сегодня на землю ступила...» | 23 |
| «Роса на травах пела и кипела...» | 24 |
| «Слети, как мотылек, с моей ладони...» | 24 |
| «Ты не натанцевалась ли, родная...» | 24 |
| «Пускай ты сладко спишь сегодня...» | 25 |
| «Тем радостям, что рождены сердцами...» | 26 |
| Из цикла «Горькое вино» | 26 |

| | |
|--|----|
| «Зовешь меня...» | 26 |
| «Душа моя, как выжженный песок...» | 26 |
| «Я умоляю ветер...» | 27 |
| «Сияющая в горном далеке...» | 27 |
| «Ты говоришь, что я переменялся...» | 27 |
| «В деревне девушку осыплют житом...» | 28 |
| «О, будь зарей...» | 28 |
| «Над мелочью обид...» | 28 |
| «Две певчих птицы на юру зеленом...» | 28 |
| Реки | 29 |
| Проклятое поле | 29 |
| «Березы окружили хороводом...» | 30 |
| Погребальная одежда | 30 |

Евтим ЕВТИМОВ
НАШ БОЛГАРСКИЙ РОД

Стихи

Редактор **Е. А. Антошкин**
Технический редактор **О. Н. Ласточкина**

Сдано в набор 07.02.86. Подписано к печати 08.04.86. А 00667.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,55. Усл.
кр.-отт. 1,58. Тираж 80 000. Изд. № 878. Зак. № 2419.
Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865,
ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ДЕНЕЖНО-ВЕЩЕВЫЕ ВЫИГРЫШНЫЕ ВКЛАДЫ

● По этому виду вкладов доход из расчета 2% годовых выплачивается в виде выигрышей — наличными деньгами или, по желанию вкладчиков, в виде товаров, пользующихся спросом населения. Тиражи выигрышей проводятся два раза в год — в апреле и октябре. В каждом тираже на 1000 счетов по этому виду вкладов разыгрывается 25 выигрышей: 1 выигрыш в размере 200% среднего остатка вклада за истекшее полугодие по счету, на который выпал выигрыш, 2 выигрыша — по 100%, 2 выигрыша по 50% и 20 выигрышей — по 25%. Средний остаток вклада за полугодие, который принимается в расчет при распределении суммы выигрыша, не должен превышать 5000 рублей. Началом полугодия для исчисления среднего остатка вклада считается 1 апреля и 1 октября. Вкладчику предоставляется право открыть в одной или нескольких сберегательных кассах любое число счетов по денежно-вещевым выигрышным вкладам.

● С перечнем товаров, которые выдаются вкладчикам за счет выпавших на их счета выигрышей можно ознакомиться в сберегательных кассах.

● Для получения в магазинах товаров за счет выигрышей сберегательные кассы выдают вкладчикам целевые расчетные чеки. По желанию вкладчика чек на приобретение товара может быть выписан в сумме, на 25% превышающей выпавший на его счет выигрыш, с доплатой разницы сберегательной кассе.

● Сумма выигрыша может быть также получена наличными деньгами или оставлена для дальнейшего хранения на счете по вкладу

Правление Гострудсберкасс СССР